

ЧЕХОВ Антон Павлович [17(29).1.1860, Таганрог — 2(15).7.1904, Баденвейлер, Шварцвальд, Германия] — писатель. По словам Р., он Ч. «не знал лично» (ОПП, 176). Помимо отдельных высказываний, Р. посвятил писателю пять эссе, участвовал в двух московских сборниках, посвященных 50-летию юбилею со дня рождения Ч. («Наш “Антоша Чехонте”» // Чеховский юбилейный сборник. М., 1910; «А.П. Чехов» // Юбилейный Чехов-

ский сборник. М., 1910). Статью Р. «До Чехова и после Чехова» Ф.И. Благов 22 сентября 1909 отказался печатать в «Русском Слове» (в архиве Р. статья не обнаружена). По мнению А.А. Измайлова, «настоящая известность пришла к Розанову <...> совершенно так же, как она пришла к Чехову, питомцу “Осколков” и “Пб. газеты”, — только тогда, когда он появился, как постоянный фельетонист, в “Новом Времени”. Только здесь, — и, м<ожет> б<ыть>, не без подсказа Суворина, — Розанов нашел форму, какой ему недоставало, — форму сжатого фельетона, маленькой статьи, освобожденной от громоздкой артиллерии мысли первых работ» (PRO, 2, 93). Ключевой личностью в судьбе обоих стал А.С. Суворин — и эту связь заметили уже современники. «Как некогда Чехову — он протянул руку помощи Розанову, не заботясь, насколько Розанов “нововременец”, — отметила З.Н. Гиппиус (PRO, 1, 148–149); Д.А. Лутохин вспоминал: «Понимал и любил его один старик Суворин, так же отогревший и Розанова, изнывавшего в провинции в бедности и не на любимом деле, как в свое время пригрозил Чехова» (PRO, 1, 194). Первое скрытое упоминание Ч. о Р. находим в «Записях на отдельных листах», представляющих собой подготовительные материалы к «Рассказу неизвестного человека» (1893). Ч. противопоставляет шумихе «интеллигентских кружков» скрытое «кипение жизни» в народе: «Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев, и вы увидите, что купец Сидоров и какой-нибудь учитель уездного училища из Ельца, видящие и знающие больше, чем мы, отбросят нас на самый задний план, потому что сделают больше, чем все мы вместе взятые» (Чехов А.П. ПССП: В 30 т. Соч. в 18 т. М., 1987. Т. 17. С. 195). Возможно, Ч. мог знать брошюру Р. «Место христианства в истории», в подзаголовке которой сказано, что это речь, прочитанная в Елецкой гимназии 1 октября 1888. О философском труде Р. «О понимании» Ч. мог узнать из рецензий на эту книгу В. Буренина (НВ. 1888. 20 мая) и Н. Страхова (ЖМНП. 1889. № 9). Позиция Ч. близка восприятию этого труда А.Н. Майковым, который выразил пожелание сказать министру народного просвещения И.Д. Делянову, «что у него профессора философии учат географии елецких юношей, а в университете читают философию учителя географии из уездных училищ» (П.А. Кусков — В.В. Розанову. 1888. 26 февр. // Москва. 1992. № 1. С. 112). Первое прямое упоминание Ч. о Р. в письме к А.С. Суворину 20 мая 1897 носит негативную оценку. Характеризуя нового сотрудника «Нового Времени» Н.А. Энгельгардта, Ч. пишет: «Принадлежит он к той же категории, что и Розанов, — так сказать, по тембру дарования. У этой категории нет определенного мирозерцания, есть лишь громадное, расплывшееся донельзя самолюбие и есть ненавистничество болезненное, скрываемое глубоко под спудом души, похожее на тяжелую могильную плиту, покрытую мохом» (Чехов А.П. ПССП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1978. Т. 6. С. 360). Первое «отношение» Р. к Ч. — в письме Р. к П.П. Перцову (1896. Дек.), в котором он противопоставляет христианское представление о своей «литературе» как «вечном плаче» «о рае потерянном, гнев на юдоль холодную и бесприютную, на “внешнее место”, куда мы изгнаны»: «Я не люблю Мережковского, Чехова (откуда о нем Вы узнали мое отношение? я ничего не писал?), Ницше: они

воспели это “внешнее место”, они едят в нем колбасу и зернистую икру в январе месяце, и думают, что это все, что нужно человеку...» (СОЧ, 492). В 1899 Р. случайно увидел на столе служащего «Нового Времени» К.С. Тычинкина письмо Ч. к нему и попросил прочесть письмо, о чем он написал Ч.: «Простота тона Вашего письма-записочки так удивила меня, что я сгоряча сказал Кон. Сем. о моем нетерпеливом желании насчет монет» (МЛ, 508). Будучи нумизматом, Р. через Тычинкина просил Ч. приобрести для него в Ялте древнегреческие монеты. Почувствовав неловкость просьбы «через третье лицо», Р. в марте 1899 пишет Ч. объяснительное письмо. При этом он как редактор литературных приложений «Торгово-Промышленной Газеты» обращается к Ч. и «с более важною просьбою» дать что-нибудь для печати: «Ваше произведение было бы нам крайне дорого» (МЛ, 508). В письме Р. выражает «глубокую скорбь» о болезни Ч. и чисто человеческую заботу о его здоровье: «Горячо, горячо желаю Вам сил, не как уже писателю, но “как брату моему” в обще-“человеческих немощах”» (МЛ, 508). В ответном письме от 30 марта 1899 Ч. обещает исполнить просьбу Р. насчет монет: «То, что нужно, исполню с большим удовольствием, только напишите поподробнее, какие монеты Вам нужны» (Чехов А.П. ПССП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 8. С. 140). На вторую просьбу Ч. отвечает, что сейчас прислать ничего не может: «Начну опять писать и тогда, буде что напишется, сообщу Вам» (там же). В письме Ч. упоминает о М. Горьком, с которым они часто говорят о Р., в частности, о его фельетоне «насчет плотской любви и брака» (там же). Ч. имел в виду статью Р. «Кроткий демонизм» (НВ. 1897. 19 нояб.), вошедшую позже в сборник Р. «Религия и культура». В этой статье Р. полемизировал с М.О. Меньшиковым («О суевериях и правде любви» // Книжки Недели. 1897. № 9–11), который проводил, по его мнению, нигилистическую тенденцию «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого, воспринимая плотскую любовь как грех. Р. же выступал за единство любви, считая, что деление любви на «земную» (плотскую) и «небесную» (духовную) порочно в корне, и предлагал новую точку зрения на плотскую любовь «как радостный долг и вместе невыразимое счастье бытия, исполненное таинственного содержания и религиозной высоты» (РФК, 159). В реабилитации плоти в своем эссе Р. основывался на Ветхом Завете (на «Книге Руфь», за которую он «отдал бы всю нашу литературу») (ЛИ, 187). Называя статью Р. «превосходной», Ч. особо отметил «чрезвычайную поэтичность и выразительность» этих ветхозаветных ссылок (Чехов А.П. ПССП: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1980. Т. 8. С. 140–141, 463). В ответ на чеховское письмо Р. 8 мая 1899 посылает Ч. «на добрую память от автора» свою новую книгу «Литературные очерки» с дарственной надписью: «Спасибо Вам за милое и прекрасное письмо. дай Бог здоровья и поправления. Простите, что не ответил: тысяча причин, из коих недостаток времени сосредоточиться такой, как бы не было чернил в чернильнице, т.е. столь же непереступаемый» (Там же, 463). При этом Р. упоминает и М. Горького: «Хотел бы Вашему приятелю послать “Религию культуры”, где объяснена моя точка зрения на пол, да ни одного экземпляра не осталось. Подавай Бог ему успеха, да надо держать себя в руках. Это величайшая тайна жить, работать и успе-

вать» (там же). Спустя 17 лет, делая копию с письма Ч., Р. сожалеет о том, что их возможная дружба не состоялась по его вине — по роковому, неизбежному отталкиванию от «значительного» («не любил сближаться с значительными» — как это было с ним в случае с К.Н. Леонтьевым и с Л.Н. Толстым): «Он ясно (в письме) звал меня, подзывал. На письмо, очень милое, я не ответил. Даже свинство» (ПЛ, 53). Р. объясняет это отталкивание также тем, что из произведений Ч. читал в то время только «Дуэль» (1891), а таких вещей, как «Бабь» (1891), «Душечка» (1899), не знал. В «Дуэли» же на Р. произвели отвратительное впечатление «фанфарон», «резонер пошлейший», «умственный хвастун» фон Корен и отвратительная пошлость «купающейся перед проезжавшими на лодке мужчинами» Надежды Федоровны (ПЛ, 53). В 1899 Р. впервые пишет о Ч. в статье «Культура и деревня», воспринимая его творчество как «городские писания на народные темы» (ТПГ. 1899. 18 июля). Р. пытается оправдать мрачность чеховской деревни, контрастирующую со светлыми «деревенскими изображениями» И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого: «Антон Чехов написал „мужиков“; мрачно изобразил их: но пошлости его в деревню, и ни одного дня он не отнесется к ним с тою сухостью и деревянностью практического воздействия, какие должны были бы вытекать из его мрачной живописи. Т.е. самая живопись эта есть „именно расплывшееся в душе автора городское (чернильное) пятно, городская скорбь и печаль“; но — как и все русское — он так любит деревню и мужика, что эту скорбь и печаль понес в деревню, перенес на мужика» (ВДЯ, 53). В статье 1906 Р. воспринимает повесть Ч. «Мужики» наряду с произведениями Н.В. Гоголя, М.Е. Шедрина, А.Н. Островского, А.С. Грибоедова как «перекос» Руси, со всеми «ее потрохами» в русской литературе: «Антон Чехов написал „Мужиков“ и даже „возлюбленного мужика“ нашел, а найдя, и описал — „зверем“» (ОНД, 9). «Мужикам» Ч., «Власти тьмы» Л.Н. Толстого Р. противопоставил «Талмуд» как «сплошную заботу об евреях их великих древних учителей» (ОЦС, 141). В 1900 Р. констатирует, что «счастливый период нашей литературы» X–XIX вв. завершается творчеством Ч.: «Литература в смысле умственно-художественного прогресса, в смысле индивидуального созидания» «кончается художественными бытовыми миниатюрами Чехова» (Думы и впечатления // НВ. 1900. 2 апр.). В 1901, прочитав статью Р. *Религиозно-философские собрания* (НВ. 1901. 9 дек.), в которой был назван и В.С. Миролюбов, Ч. пишет ему письмо, в котором личность Р. оценивается в свете разрыва отношений Ч. с «Новым Временем» и А.С. Сувориным и принципиально отрицательным отношением Ч. к публичному обсуждению религиозных проблем: «Читал в „Новом Времени“ статью городского Розанова, из которой между прочим узнал о Вашей новой деятельности. Если бы Вы знали, голубчик мой, как я был огорчен! <...> Что у Вас, у хорошего, прямого человека, что у Вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, наконец с сытейшим Мережковским?» (Чехов А.П. Письма. Т. 10. С. 141–142, 414). Это отношение Ч. проявилось и в восприятии изданий «новых людей». О первом номере журнала «Новый Путь» писатель отозвался следующим образом: «Я полагал раньше, что религиозно-философское общество серьезнее и глубже» (письмо

А.С. Суворину. 14 янв. 1903 // Чехов А.П. Письма: В Т. 11. С. 125). Журнал «Мир Искусства», в котором печатался Р., произвел на Ч. «тоже совсем наивное впечатление»: «точно сердитые гимназисты пишут» (письмо О.Л. Книппер-Чеховой. 1 и 2 февр. 1903 // Чехов А.П. Письма: Т. 11. С. 139, 450). В 1902 в письме В.С. Миролюбову Ч. советует прочесть фельетон Р. о Н.А. Некрасове («25-летие кончины Некрасова» // НВ. 1902. 24 дек.), которому он дает высокую оценку: «Давно, давно уже не читал ничего подобного, ничего такого талантливого, широкого и благодушного, и умного» (Чехов А.П. Письма: Т. 11. С. 108). Ч. оказалась близка розановская оценка эпохи шестидесятых годов как «творческих, зачинающих», «Петровских по свежести» дней (ОПП, 112) и того места, которое в ней занимает Некрасов: «Голос страны в самую могучую, своеобразную эпоху ее истории» (ОПП, 109). Близость розановского восприятия Некрасова позиции Ч. проявилась в ответе последнего на анкету «Отжил ли Некрасов?» (14–22 декабря 1902): «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко, и если говорить об ошибках, то почему-то ни одному русскому поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Долго ли он еще будет жить, решить не берусь, но думаю, что долго, на наш век хватит; во всяком случае, о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи» (Чехов А.П. Соч.: В 18 т. М., 1987. Т. 16. С. 273). 17 января 1904 Ч. получил поздравительную телеграмму от «миriskusников», среди которых стояло и имя Р. В письме от 3 июня 1904 Суворин упрекает Р. за то, что он как литературный критик не прочитал сборник «Знание», где напечатан «Вишневый сад» (ПВ, 317). Вняв настойчивости редактора, за полмесяца до смерти Ч. Р. написал рецензию на «Вишневый сад», — свое первое эссе, посвященное Ч. («Литературные новинки» // НВ. 1904. 16 июня). Последняя пьеса Ч. дает Р. повод для историко-культурных размышлений о судьбе России, которые по-новому освещают и чеховское произведение. По Р., европейская цивилизация («быт, жизнь, экономика») возникла в результате «колоссального реформационного движения», которое и дало ей смысловые, ценностные основания. Такие христианские основания в меньшей степени присутствуют в русской истории и культуре, так как в ней было мало исторических катаклизмов и религиозных движений, что обусловило бессилие русской культуры. Русская литература — «гнев на вялый цвет кожи, когда вопрос не в ней, а в нервах» (ОПП, 169). Р. почувствовал в чеховских героях отсутствие цели, смысла, стержня, внутреннего ядра, и отсюда — разрушение всей жизни: «Для чего любовь, мысли, быт, нравы, деньги, — всем этим людям?» (ОПП, 166). Р. ставит Ч. в ряд «глубокой лирики от скуки, ничего не делания и тоски (Лермонтов, Гоголь, Тургенев)» и «сатиры, раздражения (начиная с Гоголя)» (ОПП, 169). Р. делает вывод о «Вишневом саде» как «прекрасной, но бессильной живописи»: «Грустное произведение; но сколько уже их есть в русской литературе, безмерной яркости, силы и красоты. Ударяли они (начиная от „Горя“ Грибоедовского) по русской впечатлительности; и рванется русская душа от стыда за себя (вечный мотив), но рвануться ей некуда, солнца нет» (ОПП, 169). В эссе на смерть Ч. «Писатель-художник и партия» (НВ. 1904. 21 июля) Р. ставит Ч. «сейчас за Толстым» (ОПП, 175).

Потеря Ч. ощущается особенно остро на фоне отсутствия в культуре крупных талантов: «В этом безвременье, на этом безлюдье — целой эпохи, всей цивилизации — Чехов стоял вовсе не гигантскою фигурою, как о нем посмертно “записали”, без такта, перья, но благородным, вдумчивым, талантливым лицом» (ОПП, 176). По сравнению с титаническим творчеством Гоголя, Толстого, Достоевского, Ч. — талант второго порядка, но который «умом и тонкостью натуры стоял выше своего, в сущности очень грубого, времени» (ОПП, 176). После прочтения воспоминаний В. Дорошевича о Ч. (РС. 1904. 3 июля) Р. ставит проблему взаимоотношений Ч. и политики. Тенденциозность, политизированность русской журналистики в отношении к литературе, проявившиеся в обидном для Ч. обвинении А.М. Скабичевского, Н.К. Михайловского в безыдейности, беспринципности, ставит Ч.-«мыслителя», «лирика» перед дилеммой: «Или пой свои песни свободно — но их никто не услышит; или ты будешь услышан: но пой песни по нашим нотам» (ОПП, 180). Именно этим, вслед за Дорошевичем, Р. объясняет поездку Ч. на Сахалин: «Чехов, конечно, не без причины начал через несколько месяцев печатать свой Сахалин в том самом журнале, где, всего за несколько месяцев, о нем писалась критика, которой он “не мог забыть 20 лет”» (ОПП, 180). На фоне либеральной традиции в русской литературе, оппозиционного стереотипа о русском писателе Ч. резко отличается своей независимостью: «И когда он просто есть русский писатель, даже без всего “правого” в себе, — на него накидываются как на чужака-изменника. Чужаку и почему? Это даже не столько трагично, только водевильно. Этот водевиль был разыгран с Чеховым. Но не удалось» (СХР, 243). В эссе, посвященном 55-летию литературной деятельности Л. Толстого «На закате дней» (1907), Р. ставит имя «нашего Чехова» в один ряд с Гюго, Диккенсом, Теккереем, В. Скоттом, «нашим Гончаровым и Тургеневым», которые, будучи в зависимости от цивилизации, лишь отразили ее. В этом же эссе Р. анализирует неудавшуюся Ч. попытку написать «большой роман», «переступить формы очерка, эскиза»: «Он говаривал, что настоящий художник слова, которому жить и жить в будущем, начинается только с романа, как большого цельного произведения, где представлена была бы жизнь человека, а не день этой жизни, представлена была бы фаза общественного развития, выводилась бы толпа, сословие, а не рассказывался, — пусть и мастерски, — случай из жизни чиновника, купца, помещика» (ОПП, 231). Р. спорит с Ч., приводя в пример «Записки охотника» И.С. Тургенева, все произведения самого Ч., В.М. Гаршина, которые «не будут выведены из пантеона русской словесности только за свою краткость»: «Таким образом, суждение Чехова не было правильно. Но он верил в него; мучился, что не может написать романа; и... не написал. Отчего? <...> великий дар большой концепции, вот на несколько сот страниц, на несколько томов, — вообще пропал в наше время; страшимся сказать: умер, как вымерли допотопные формы ихтиозавров и плезиозавров» (ОПП, 231). По воспоминаниям А.М. Ремизова, Р. «с сокрушением» говорил, что не может написать рассказов, «как у Горького или у Чехова — у аккуратнейшего “без сучка и задоринки” Чехова, которым упиваются сейчас англичане, а это что-

нибудь да значит!» (ПРО, 2, 354). При этом Ремизов противопоставляет розановское «вяканье» и «городство» литературному стилю Ч.: «Розанов — форму чеховского рассказа? — да никак не уложишь, и не надо. Их синтаксис — “письменный”, “грамматический”, а Ваш и Аввакума — “живой”, “изустный”, “мимический”» (ПРО, 2, 354–355). В 1908, размышляя о значимости университета не только как «царства наук», но и как «традиционного быта», Р. упоминает Ч. наряду с Толстым, Пироговым, Гаршиным: «Ведь в университете были и Чехов, и Гаршин. Едва ли очень были прилежны. Они были в университете не так давно, уже “в наше печальное время”» (ВНС, 237). В эссе «Вопросы русского труда (Опыт ответа преосвященному Никону)» (НВ. 1909. 26–27 марта) Р. рассматривает «Вишневый сад» Ч. в духе «Протестантской этики и духа капитализма» (1905) М. Вебера: протестантизм выработал культ труда, а католичество и православие — «разваливающийся» быт, поэтическое ничегонеделание, моральную безответственность, жизнь порочную и молитвенную...» (СМР, 102). В «Вишневом саду», особенно в образе Пети Трофимова, Р. видит проявление этой историко-культурной «органической связи» православия с феноменом русской лени: «Помните студента, шесть лет сидящего в университете и, по-видимому, не собирающегося кончать курса <...> он до того ленив и ни к чему не способен, что даже не может найти своих резиновых калош, и ему их отыскивает и бросает в прихожую барышня. Да в “Вишневом саду” и все валяются на бок: тут уже не 8 на десять ленивцев, а все десять — ленивы, старые, убогие и никому не нужны. Но и весь “Вишневый сад” поэтичен; а этот студент — прямо мил. Почему? Что это? Какая-то начинающаяся Корея, “страна утренней тишины и спокойствия”? Или вторая Испания, до вторжения в нее французов и англичан: страна красивых, нищих и поэтических бродяг?..» (там же). В эссе «А.П. Чехов» (1910) Р. затрагивает семейную проблематику в творчестве Ч., которая волновала Р. как «исследователя вопроса»: Рассказ «Бабы» «должен быть введен целиком в “Историю русской семьи”, в “Историю русского быта”, “В историю русской женщины”» (ОПП, 478). Анализируя рассказы «Бабы» и «Мужики», Р. в русле своей философии раскрывает основные установки сознания современной «евангельской» цивилизации, которые приводят к семейной трагедии. Ч., по Р., разрушил народные иллюзии интеллигенции: «Мужики» повторяли «Властитель» Толстого, «но у Толстого это было сказано как бы для “христианского примера”, а у Чехова без “примера” сказано, а так, просто, что вот “есть”» (ОПП, 480). Р. невольно соотносит рассказы «Бабы», «Мужики» с Книгой Иова как библейской традицией литературы страдания, трагедии. Со слов человека, «горячо любившего» его, Р. раскрывает Ч. как личность, которую интересует «смерть человека, индивидуума <...> цивилизации, общества, фазиса культуры и истории» (ОПП, 477). В итоге Р. называет Ч. «любимым писателем нашего безволия, нашего безгероизма, нашей обиденности, нашего “среднего”» (ОПП, 482). В эссе «Наш “Антоша Чехонте”» (1910) фигура Ч. на фоне «ассирийских богов» русской классики представляется Р. «такою незначительною, обыкновенною»: «слишком “наш брат”, то же, что “мы, грешные”, — слабые, небольшие и вместе не-

дурные люди» (ЛВИ, 550). Эту особенность Р. наблюдает и в характерно-русской судьбе Ч.: «Вместо “медицины” у него вышла “литература”. Как “обыкновенно у русских”...» (ЛВИ, 551). Поэтому именно Ч., по Р., выразил собирательный тип России («В Чехове Россия полюбила себя») не только в произведениях («Чехов довел до виртуозности, до *гения* обыкновенное изображение обыкновенной жизни. “Без героя” — так можно озаглавить все его сочинения и про себя добавить, не без грусти: “без героизма”» (ЛВИ, 552), но и во всей своей личности: «Тонкою иглою начертан образ тихого, изящного человека <...> от “всех” отличающийся чрезвычайным благородством рисунка, всех линий» (ЛВИ, 553). Этот феномен Ч. свидетельствует о его историческом месте в русской литературе, о том, что «мы подошли к краю, за которым начался “перевал к другому”... Чехов довел нас как раз до взрыва, — поднятия большой волны» (ЛВИ, 552). «Грустная дума» и полужизненный тон Ч. внушает Р. мысль о жизни, о необходимости продолжить жизненное *Достоевского*: «Есмь» — самое главное; “есмь” — первое. Рождаемся мы не все для варенья и яблоч, но, между прочим, и для кислого существования <...> “Быть человеком” важнее, чем быть “сытым человеком” и даже “нравственным человеком”, “добрым человеком”» (ЛВИ, 554). Р. противопоставил творчество Ч. живописи *М.В. Нестерова*: «Как личное свое “я” было мало в Чехове и обессилено тем, что человеку вообще “не для чего жить”, он не знает, для чего “живет на белом свете”, и, в сущности, сочиняет рассказ, “потому что есть такой талант”, — так Нестеров “вопиет и глаголет картинами”, ибо он, в сущности, есть огромный исторический человек» (НФП, 193). После 1914 розановское понимание Ч. резко меняется: «Чехов? — ничего особенного. У меня он вот где сидит — (показал на шею). — Что Чехов? глядел на жизнь, что видел, то и записал. Очень милый писатель, понравился, стали читать. Но он холодный, и ничего особенного. Успех его понимаю, только не одобряю» (*Голлербах*, 83). Р. знал о «совершенно исключительности» «нежной любви» Суворина к Ч.: «Его любовь к Чехову как личности — и только; больше — к личности, чем к литератору, хотя он очень любил его и как литератора. Помню его встречавшим гроб Чехова в *Петербурге* <...> Чехова, в литературном мире давнем и новом, он больше всех любил» (ПВ, 263). В это время Р. оценивает Ч. в свете взаимоотношений последнего с Сувориным: «Суть и разгадка взаимных их отношений в том, что Чехов был значительно спиритуалистичнее Суворина, развитее, образованнее его (не был в универс., т.е. Суворин) и вообще имел голову “более открытую всем ветрам”, нежели Суворин, и до известной степени проникнутую большим количеством мыслей, большим числом точек зрения, чем как это было у Суворина. Проще, скажете — был умнее Суворина. Но тут начинается страшное: Он был хитрее Суворина. И хуже его сердцем. Гораздо» (М, 135). Р. объясняет факт нежелания Ч. видиться с Сувориным влиянием, давлением на него либеральных друзей — В.А. Гольцева и В.Г. Короленко и видит в этом предательство: «Это предательство человека, столь его любившего (т.е. Суворин — Чехова), ужасно». Этот факт и определяет розановскую оценку: «Чехов же, — не имея отнюдь его гения и размаха (практического, в делах), — был его тоньше, обдуманнее и, увы, ловчее...» (М, 135, 134). Чтение в 1915

«Рассказа неизвестного человека» (1893) Ч. вызывает у Р. мысли о том, что русская литература (С.М. Степняк-Кравчинский, Н.Н. Брешко-Брешковский) участвует в одурманивании молодежи «фимиадом *революции*», с целью использовать молодежь в террористических актах: «после предварительного воспитания <...> напиговывает <...> такую специфическую ненависть “к *правительству*”, что он (она) готов на рожон лезть» (М, 194–195). По Р., Ч. тоже «пошло льстит “конспирации”» (М, 195). В записи 1916 Р. размышляет о преобладании в русской литературе либерального направления «левой партии» над славянофильским: «Если бы Короленко был патриотом, — осмелился бы и Чехов назвать себя “*русским человеком*”. С Чеховым и Короленко, наша партия решительно бы подняла голову. “Мы, русские, тоже не сопляки”» (ПЛ, 124). Последнее эссе Р. о Ч. «Письма А.П. Чехова» (К. 1916. 19 мая) представляет собой отзыв на книгу «Письма А.П. Чехова» (Под. ред. М.П. Чеховой. М., 1916. Т. 6). Для Р. эти письма важны как самое объективное «разъяснение личности усопшего любимца русского общества» (ВЧВ, 207). Р. пытается разгадать феномен Ч. и понимает его «огромную и исключительную популярность» как популярность писателя, выражающего взгляды интеллигентского общества. Своеобразие Ч. раскрывается через сопоставление с Тургеневым, Гончаровым, *Писемским*, со слишком гениальными Достоевским и Толстым («не как все», читатель чувствует их вне «себя», не с «собою»), со слишком партийными и политичными Короленко и Горьким: «Только Чехов, именно Чехов один, был “со всеми” и “как все”, но — в идеализированной форме. <...> “Человек своей эпохи”...» (ВЧВ, 208). Ч. представляет собой новый тип писателя без «огромной программы»: «чеховское лицо <...> кажется именно читательским лицом, а не писательским лицом <...> слушающим, а даже не говорящим; слушающим — “что говорят все”, и слушатель этот — умный, наблюдательный, но немного безвольный и даже немного равнодушный <...> слишком приватный человек или слишком бессильный, — может быть, отчасти и ленивый, отчасти и индифферентный, — и от этого не очень вникает в тему, с мыслью: “Э, все темы — пройдут, а люди все-таки останутся”» (ВЧВ, 208–209). Одну из причин популярности писателя Р. видел в отсутствии у него всего «метафизического, мистического и религиозного». Письма писателя — лишь «литературная корреспонденция», в которой нет философских, религиозных и исторических тем — «проклятых вопросов», «неразрешимых вопросов». Еще одна причина популярности Ч. — «идеализм», интеллигентское «устремление “вдаль” и “куда-то”» (ВЧВ, 208). «На всех письмах его лежит отсвет необязательной мечты; мечты, из которой, правда, ничего не выходит, но которая все-таки есть мечта» (ВЧВ, 210). В итоге Р. делает вывод о литературности чеховских писем: «Красота бессилия — вот что нам дал Чехов, что он, в сущности, всю жизнь рисовал. Красота без стрелы, без боли, медленно потухающая <...> Чехов рисует в сущности везде “мертвую Русь”, которая под дуновением его живительного таланта еще вспыхивает <...> Но русский человек, русский пейзаж, русская судьба — ему всегда милы. Хочется сказать упрек: Чехов успокаивает человека на малом» (ВЧВ, 211).

А.А. Медведев